

СТРУКТУРА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ РЕЦИДИВ)

Рассмотрены вероятность тех или иных преступлений в структуре постпениitenciарного рецидива лиц, отбывших наказание впервые в пениitenciарных учреждениях, а также некоторые особенности поведения таких лиц в процессе отбывания лишения свободы. В результате анализа сделан вывод о влиянии характера предшествующего преступления на тенденции развития будущего рецидива, выявлены закономерности в его структуре.

Ключевые слова: постпениitenciарный рецидив; структура; личность; закономерности.

Постпениitenciарная рецидивная преступность – один из индикаторов эффективности наказания, обоснованности условно-досрочного освобождения, а также критерий успешного выполнения задач предупреждения преступности в целом.

Наряду с этим термином в юридической литературе существует и такое понятие, как «постпениitenciарный рецидив преступлений». На первый взгляд, эти явления идентичны, однако это не так. Между ними существует диалектическая взаимосвязь.

Постпениitenciарный рецидив – это сочетание во временной последовательности преступных деяний одного и того же лица, если за предшествующие из них оно отбывало лишение свободы. Постпениitenciарная рецидивная преступность, выступая в качестве общего по отношению к отдельному проявлению постпениitenciарного рецидива преступлений, состоит из множества случаев такого рецидива, развернутых в пространстве и времени. В этом смысле нельзя продуктивно изучать постпениitenciарную преступность без познания сущности и внутренних закономерностей составляющих ее элементов – постпениitenciарного рецидива преступлений.

Очевидно и различие между структурами постпениitenciарного рецидива и постпениitenciарной рецидивной преступности. Структура постпениitenciарного рецидива отражает «криминологический облик» преступной карьеры отдельного рецидивиста, отбывшего наказание в виде лишения свободы, взаимосвязи между преступлениями, составляющими постпениitenciарный рецидив преступлений, антиобщественную направленность и иные устойчивые дефекты личности постпениitenciарного рецидивиста [1. С. 10]. Структура же постпениitenciарной рецидивной преступности отражает социальное явление, представленное соотношением преступных деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории после освобождения из мест лишения свободы. Чем чаще встречается какое-либо преступление в структуре постпениitenciарной преступности, тем больше при иных равных условиях его удельный вес в структуре постпениitenciарного рецидива и наоборот.

Глубокое изучение структуры постпениitenciарного рецидива предполагает анализ преступлений, совершенных лицами, освобожденными из исправительных учреждений.

Среди факторов преступного прошлого особое значение для исследования структуры постпениitenciарного рецидива приобретают характер общественно опасных деяний, связи между ними, которые наряду с иными факторами определяют возможные объемы и тенденции развития рецидива после освобождения из мест лишения свободы.

В целях анализа зависимости структуры постпениitenciарного рецидива от характера предшествующих преступных посягательств нами проводилось выборочное исследование 580 лиц, отбывавших наказание впервые в исправительных колониях общего режима Томской и Кемеровской областей и освобожденных в 2006 г. По каждому лицу, освобожденному из колонии, заполнялось требование и направлялось в ИЦ УВД субъектов Российской Федерации для проверки возможного постпениitenciарного рецидива в течение трех лет после освобождения. По итогам проверки получены следующие данные: 45% освобожденных не совершили преступления в течение трех лет после освобождения из колонии общего режима, и 55% лиц совершили новое преступление в течение трех лет после освобождения из колонии общего режима. Таким образом, рецидивная преступность в течение трех лет составляет 55%, что значительно превышает аналогичные показатели прошлых лет.

Лица, совершившие повторное преступление в течение трех лет после освобождения из пениitenciарных учреждений общего режима (повторно осужденные), явились базой для расчета частоты тех или иных преступлений в структуре постпениitenciарного рецидива в зависимости от характера первых преступлений.

Конечно, все рассчитанные количественные меры вероятности преступлений в структуре постпениitenciарного рецидива являются условными, т.е. возможны, если данное лицо предстало перед судом по обвинению в новом преступлении после освобождения из исправительной колонии общего режима.

Для наглядного структурирования полученных данных проведена условная классификация совершенных рецидивистами преступлений на группы. Ее основой явились типичные и наиболее распространенные мотивации, а также характер и степень общественной опасности преступного посягательства, способ совершения преступления.

Итак, наиболее часто совершаемые рецидивистами преступления были разделены на следующие группы:

- группа А: ненасильственные корыстные имущественные преступления (158 УК РФ; 159 УК РФ);
- группа Б: насильственные корыстные имущественные преступления (161 УК РФ; 162 УК РФ; 163 УК РФ);
- группа В: корыстные преступления, не являющиеся хищениями (228.1 УК РФ; 175 УК РФ);
- группа Г: умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье (105 УК РФ; 111 УК РФ; 112 УК РФ; 115 УК РФ; 116 УК РФ; 117 УК РФ; 119 УК РФ);
- группа Д: «половые преступления» (131 УК РФ; 132 УК РФ);

– группа Е: умышленные ненасильственные посягательства на личность/права личности/семьи (130 УК РФ; 139 УК РФ; 150 УК РФ; 157 УК РФ);

– группа Ж: умышленные «насильственные» посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления (213 УК РФ; 318 УК РФ);

– группа З: умышленные «ненасильственные» посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления/здоровье населения (222 УК РФ; 226 УК РФ; 228 УК РФ; 230 УК РФ; 319 УК РФ; 325 УК РФ);

– группа И: неосторожные преступления (109 УК РФ; 118 УК РФ; 264 УК РФ);

– группа К: умышленное уничтожение или повреждение имущества (167 УК РФ).

При анализе зависимости структуры постпенитенциарного рецидива от характера преступных посягательств, за которые лица отбывали наказание впервые в колониях общего режима, получены следующие данные.

Рецидивист, отбывший наказание в исправительной колонии общего режима за кражу, в случае нового осуждения будет отвечать за кражу с достоверной вероятностью 66%. Частота ответственности за однородные с кражами преступления, грабежи и разбои, в случае если постпенитенциарный рецидив был начат с ненасильственных корыстных имущественных преступлений, во второй судимости составляет 21%.

Соответственно, совокупный коэффициент повторяемости хищений достигает 87%, что очевидно говорит о большой степени устойчивости специального рецидива, начатого с краж.

Доля умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье составила во второй судимости 9%. На наш взгляд, появление в структуре постпенитенциарного рецидива, начатого с краж, умышленных насильственных посягательств группы Г свидетельствует о складывающихся стойких антиобщественных привычек насильственного характера постпенитенциарных рецидивистов, являющихся следствием криминального влияния мест лишения свободы на личность.

В свою очередь, риск осуждения бывших воров за умышленные «ненасильственные» посягательства на общественную безопасность и общественный порядок равен 12%. Относительная стабильность совершения преступлений группы З (как правило представлена преступлениями, связанным с незаконным приобретением и хранением наркотических средств – ст. 228 УК РФ) объяснима тем, что незначительная часть рецидивистов, отбывших наказание в колониях общего режима за кражу, в последующей преступной деятельности, с одной стороны, уходит от совершения корыстных имущественных посягательств, с другой стороны, не способна полностью отказаться от преступного образа жизни, что является следствием особой сложности ресоциализации, разложения волевых качеств в личности лица в период отбывания наказания в пенитенциарном учреждении, а также стойкости выработанных в относительно короткие сроки отбывания наказания пагубных привычек, в том числе к наркотическим средствам.

Вероятность осуждения бывших воров за иные преступления (групп В, Е, Ж, К) – невелика и не превы-

шает уровня, обычного для иных категорий постпенитенциарных рецидивистов, что свидетельствует о стохастической независимости этих преступлений и краж.

Структура постпенитенциарного рецидива, начатого с грабежей и разбоев, закрепляет выявленные ранее тенденции повторения корыстных имущественных преступлений, а также статистическую вероятность совершения преступлений групп Г и З. Так, совокупный удельный вес лиц, совершивших впервые грабеж и разбой, освободившихся из мест лишения свободы и вновь совершивших однородные преступления, составляет во второй судимости 94%: из них 30% приходится на грабежи и разбои, 64% частота осуждения за кражи. Совокупная доля «иных» разнородных с хищениями посягательств составляет 27% и представлена умышленными насильственными посягательствами на жизнь и здоровье – 8%, умышленными «ненасильственными» посягательствами на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления – 10%, корыстными преступлениями, не являющимися хищениями, – 5%, умышленными ненасильственными посягательствами на личность/права личности/семьи – 2%, умышленными «насильственными» посягательствами на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления – 2%.

Рассчитанные количественные меры вероятности тех или иных общественно опасных деяний явно свидетельствуют о том, что в структурах рецидива после отбытия наказания в колониях общего режима за хищения имеет место, с одной стороны, высокая степень специализации рецидива (90%), с другой стороны, устойчивая вероятность дифференциации последнего, которая составляет в среднем 31% и представлена практически всеми выделенными группами преступлений. Думается, что высокая степень однородности постпенитенциарного рецидива, начатого с хищений, свидетельствует не только о большой распространенности корыстных мотивов в психологии рецидивистов, но и об устойчивости антисоциальной направленности таких лиц.

Говоря о специальном рецидиве, следует отметить, что в литературе он оценивается рядом криминологов как наиболее опасный, т.к. свидетельствует о сращивании рецидивной и профессиональной преступности, является проявлением специализации преступной деятельности. По мнению А.М. Яковлева, «однородность обоих преступлений говорит о повышенной степени общественной опасности рецидива» [2. С. 102]. Хотелось бы подчеркнуть, что такая криминологическая позиция представляется весьма сомнительной и требующей проверки. По нашему убеждению, нельзя судить об общественной опасности постпенитенциарного рецидива, исходя исключительно из однородности посягательств совершаемых лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы. Необходимо учитывать характер самого преступного деяния, вред, причиняемый преступной деятельностью лица, и иные показатели.

Структура постпенитенциарного рецидива, в котором первое преступление было убийством или причинением различной степени тяжести вреда здоровью, является более дифференцированной по сравнению со структурой постпенитенциарного рецидива бывших по-

хитителей. Так, частота совершения разнородных с преступлениями группы Г посягательств во второй судимости равна 90%, из которых 26,5% принадлежат кражам, 29,5% – грабежам и разбоям, 19,5% – умышленным «ненасильственным» посягательствам на общественную безопасность и общественный порядок, оставшиеся 14,5% приходятся на посягательства групп Е, Ж.

Большое количество хищений после освобождения из колоний общего режима за насильственные посягательства на жизнь и здоровье свидетельствует о том, что приоритетным для лица, вышедшего на свободу, становится получение средств для существования. А поскольку ввиду относительно долгого пребывания в местах лишения свободы за рассматриваемые посягательства и под влиянием среды пребывания происходит психологическая дезорганизация личности, потеря полезных социальных связей, более того, для такого лица представляется затруднительным трудоустройство, оно рано или поздно, как показывает практика, находит новый источник средств к жизни в повторном корыстном преступлении.

Среди причин перехода к общему рецидиву можно также назвать ситуационный характер самих насильственных посягательств на жизнь и здоровье, поскольку большая часть таких преступлений совершается рецидивистами на так называемой бытовой почве, т.е. в результате ссор, скандалов, возникающих нередко на почве личных неприязненных отношений, а также после употребления ими спиртных напитков.

Наконец, существенное влияние оказывает относительно строгая наказуемость за рассматриваемые посягательства ввиду их повышенной общественной опасности, в том числе характер применяемых правоограничений в местах лишения свободы, условия содержания.

Таким образом, рассчитанные статистические частоты тех или иных общественно опасных деяний явно свидетельствуют о том, что первые (предшествующие) преступления в значительной степени определяют структуру постпенитенциарного рецидива в дальнейшем и наряду с иными факторами порождают следующие основные закономерности исследуемого криминологического явления.

В структурах постпенитенциарного рецидива, начатого с краж, грабежей и разбоев, выявлено относительное постоянство основных показателей. Эта относительная стабильность является результатом взаимодействия двух противоположных по направленности, но тесно связанных между собой процессов дифференциации и специализации. Одни рецидивисты после освобождения из мест лишения свободы переходят к иной преступной деятельности, другие с еще большим постоянством нарушают ту же норму уголовного закона. Оба процесса в некоторой мере уравновешиваются.

Структура рецидива, начатого с умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье, отличается большей дифференциацией и, соответственно, переходом к общему рецидиву, поскольку в связи с ситуационным характером самих преступлений, а равно относительно продолжительным пребыванием в местах лишения свободы за насильственные посягательства и под влиянием среды пребывания, происходит изменение социального и правового статуса лично-

сти, что, в свою очередь, определяет приоритеты после освобождения из пенитенциарных учреждений на стороне корыстных преступных посягательств, способных обеспечить рецидивиста средствами для существования.

Проведенный анализ структуры постпенитенциарного рецидива установил вероятность различных сочетаний преступлений в зависимости от вида первого посягательства, за которое лицо отбывало наказание в колонии общего режима. При этом зависимость структуры рецидива от иных самостоятельных показателей, например личности, не исследовалась.

Тем не менее представляется очевидным, что связующим основанием преступной деятельности выступает именно личность как целостное социально-психологическое образование во всем разнообразии и противоречии ее свойств.

Повторяемость преступлений, сочетание их характера в рецидиве коррелируют с различными свойствами прежде всего нравственно-психологического порядка, которые в той или иной ситуации приобретают доминирующее значение в мотивации.

Любое поведение лица, в том числе в процессе отбывания наказания в колонии общего режима, отражает степень выраженности асоциальных свойств и предрасположенности к дальнейшей преступной деятельности, отношение осужденного к обществу в целом, к принятым в нем ценностям и нормативно одобренным социальным ролям. Поэтому представляется необходимым изучить некоторые особенности поведения лиц в процессе отбывания ими наказания в колониях, выявить степень проявления тех или иных отрицательных качеств.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что поведению будущих постпенитенциарных рецидивистов по сравнению с поведением лиц, не продолживших преступную деятельность в течение трех лет после освобождения, в процессе отбывания наказания свойственны гораздо в большей степени непринятие основных норм морали и стандартов, систематическое нарушение порядка и условий отбывания наказания.

В ходе проверки выдвинутой гипотезы установлено, что во время отбывания наказания 9% будущих постпенитенциарных рецидивистов имели свыше десяти взысканий; 40% – от четырех до десяти взысканий включительно. Данные показатели более чем в два раза превышают аналогичные показатели в группе лиц, не совершивших после освобождения повторных преступных посягательств. Напротив, удельный вес будущих рецидивистов, в отношении которых в период отбывания наказания было применено от одного до трех взысканий за различного рода нарушения, на 14% меньше удельного веса лиц во второй группе по выделенному критерию и составляет 23%. Оставшиеся 28% будущих рецидивистов и 39% лиц, не совершивших постпенитенциарный рецидив, не имели во время отбывания наказания ни одного взыскания.

Важно отметить, что большая часть взысканий была связана с систематическими нарушениями установленного порядка отбывания наказания, а именно: курение в запрещенных местах, изготовление, хранение и передача запрещенных предметов, отказ выполнять закон-

ные требования администрации исправительного учреждения, невежливое обращение с представителями администрации и другими осужденными, нарушение формы одежды, присвоение чужих вещей, нанесение татуировок, самовольное оставление рабочего места, употребление спиртных напитков.

По количеству поощрений, которые как правило, давались за выполнение требований режима содержания и добросовестный труд, будущие рецидивисты распределились следующим образом: от четырех до десяти поощрений имели 17%, что на 5% меньше аналогичного показателя в группе лиц, не совершивших повторное общественно опасное деяние после освобождения; от одного до трех поощрений – 38%, что практически соответствует частоте применения мер поощрения к лицам второй группы; не имели поощрений – 45%, что на 10% больше рассматриваемого критерия в группе лиц, не совершивших постпенитенциарный рецидив. Свыше десяти поощрений имели только лица,

не продолжившие преступную деятельность после освобождения, доля которых составила 3%.

Таким образом, результаты исследования некоторых особенностей поведения лиц в процессе отбывания ими наказания подтвердили выдвинутую нами гипотезу и показали, что лица, склонные к продолжению «преступной карьеры» после освобождения из мест лишения свободы, отличаются большим проявлением асоциальных и антисоциальных свойств и качеств в процессе отбывания наказания. Наряду с этим нельзя не обратить внимание на то, что показатель условно-досрочно освобожденных среди будущих постпенитенциарных рецидивистов на 12% превышает аналогичный показатель в группе лиц, не совершивших постпенитенциарный рецидив, и равен 34%. Данное свидетельствует о большом количестве приспособленцев среди будущих постпенитенциарных рецидивистов и наличии в связи с этим проблемы адекватности оценки поведения таких лиц при решении вопроса об условно-досрочном освобождении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зелинский А.Ф.* Рецидив преступлений. Структура, связи, прогнозирование. Харьков: Вища школа, 1980.
2. *Яковлев А.М.* Борьба с рецидивной преступностью. М.: Наука, 1964.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2010 г.